

Процесс создания призраков был чрезвычайно жестоким. Это было почти как если бы Небесный Наставник должен был содрать кожу с живого человека, разрезать тело на несколько частей, одновременно выполняя даосские искусства — с одной стороны, обеспечивая, чтобы душа не рассеялась и не попала в подземный мир, а с другой — используя боль, обиду и губительную энергию материала для закалки духа призрака до завершения ритуала. Это действительно было тяжким грехом против кармической добродетели — неудивительно, что Линь Цзяян умер таким молодым.

Линь Юэтянь снял рубашку и лег на пол. Окружающая формация была тщательно нарисована, тонко согласованная с принципами Восьми Триграмм. Восемь точек формации были закреплены киноварными талисманами. Его дыхание было спокойным, пока он наблюдал, как Линь Тунчжао фиксирует его конечности, чтобы предотвратить любую борьбу. Выражение лица Линь Тунчжао исказилось, его дыхание стало тяжелым, словно он колебался продолжать.

— Дядя, — вдруг спросил Линь Юэтянь, — ты уже использовал создание призраков раньше, не так ли?

Дыхание Линь Тунчжао прервалось, прежде чем он горько рассмеялся.

— Как ты догадался?

— Несмотря ни на что, это всё равно убийство, — ровно сказал Линь Юэтянь. — Странно, что ты так легко поддался всего нескольким моим словам. Поэтому я предположил — ты не так далёк от создания призраков, как утверждаешь.

Линь Тунчжао сглотнул и тихо сказал:

— Острый глаз, племянник... Когда мне было пятнадцать, наша ветвь семьи Линь была ещё беднее, чем сейчас. Мой отец умер молодым, оставив после себя только долги. Моя мать позже работала до изнеможения и попала в больницу. У меня был младший брат, всего пять лет, которому ещё нужно было ходить в школу. Наши родственники жили не лучше. Возможно, это действительно была потеря кармической добродетели нашим предком, принесшая несчастье его потомкам.

— Я был в отчаянии. Если бы всё продолжалось так, моя мать и брат умерли бы от голода. Перед смертью отец сказал, что у меня есть талант к даосским искусствам, и научил меня фэншуй, чтению лиц и единственной глубокой даосской технике, которую наша семья не утратила — созданию призраков. Я разыскал старого друга отца, бизнесмена, который только начинал делать себе имя. Мой отец предсказал ему удачу, когда тот начинал. Позже, когда моя мать заболела, и я пошёл к нему занять денег, он отказался дать даже юань..

Линь Тунчжао, казалось, погрузился в далёкие воспоминания, пока его руки продолжали двигаться. Он поднял чашу сырого риса, используя палочки для еды, которые использовались в подношениях предкам на Цинмин, чтобы смешать рис с пеплом благовоний и кровью с кончика своего языка. Он рассыпал смесь внутри формации, написав иероглифы "Мир" и "Жизнь & Smiley; Смерть", придавив каждый медными монетами и сосновыми ветвями.

— Я сказал ему, что готов создавать для него призраков — устранять его деловых конкурентов и создавать призрачных слуг, привлекающих богатство, — продолжил Линь Тунчжао. — Он немедленно дал мне деньги и позже привёл нескольких приговорённых к смерти для работы... Я сделал это три раза. Но ни один из тех призраков не продержался долго. Позже, когда он отправился в деловую поездку, попал в аварию — его тело разорвало на куски.

— Я выжил, но в конце концов моя мать всё равно умерла. Когда моему брату было десять, у него внезапно поднялась высокая температура, и он умер за несколько дней. Тогда я понял... это действительно приносит кармическое возмездие. Но я жил один до сих пор. Возможно, однажды последствия моего прошлого настигнут меня, но сейчас это уже не имеет значения. Если я смогу хотя бы уничтожить Нефритового Призрака и уладить кармический долг нашего предка, тогда моя жизнь не прошла зря... Ха-ха, разве не так?

Линь Юэтянь молча наблюдал, как Линь Тунчжао заканчивает настройку формации, затем поворачивается, чтобы совершить три поклона перед статуями Трёх Чистых. Он также тихо смотрел, как Линь Тунчжао погружает короткий клинок в чистую воду, затем вынимает его и начинает затачивать лезвие.

Система молчала долгое время. Но в этот момент она вдруг закричала в сознании Линь Юэтяня:

[Остановись!]

«Стрела уже на тетиве. Остановить что?» — Линь Юэтянь даже улыбнулся, его голос был мягким и утешительным.

Система звучала панически:

[Просто остановись! Правда, остановись... Ты... тебе не нужно заходить так далеко. Я никогда не говорил тебе этого, потому что ты всегда пугаешь меня до полусмерти, но даже если ты провалишь миссию или две, ты на самом деле—]

«Не говори мне», — прервал Линь Юэтянь.

Система была так взволнована, что казалось, вот-вот заплачет:

[Нет, тебе действительно не нужно этого делать! Просто выполни миссию традиционным способом, хорошо? Даже если это будет медленнее, ничего. Я не так уж спешу. Даже если мои показатели эффективности пострадают, ничего. Даже если тебе придётся пожертвовать своей внешностью, я не буду смеяться над тобой! Клянусь! Прошу, не заходи так далеко! Ты вообще представляешь, что влечёт за собой создание призраков?! С тебя будут сдирать кожу заживо — это слишком больно, слишком ужасно!]

«Я знаю всё это. Но знаешь ли ты, почему я смог выполнить так много миссий? Почему я был убийцей высшего класса?» — спросил Линь Юэтянь.

Система с трудом следила за его логикой:

[..Из-за твоих профессиональных навыков?]

Линь Юэтянь удовлетворительно кивнул:

«Хорошо, ты способна учиться. Теперь скажи, знаешь ли ты ключевые компоненты моих профессиональных навыков?»

[Сейчас не время для шуток!] — Система наблюдала, как Линь Тунчжао точит лезвие, и её несуществующий желудок, казалось, скручивался в узлы.

«Это мой интеллект», — продолжил Линь Юэтянь, не обращая внимания на отсутствие сотрудничества системы. — «И моя смелость. Будь то в моём изначальном мире или в каждом мире миссий, куда я попадал, я всегда говорил себе — у меня только один шанс. Чтобы выполнить миссию, я пожертвую всем. Это моя рабочая этика.»

«Я не бог, и не считаю себя исключительно сильным духом. Если ты скажешь мне точные последствия провала миссии — например, что я на самом деле не умру — тогда, хотя мой интеллект не пострадает, моя готовность идти ва-банк изменится. Без решимости идти на смелые риски я мог бы преуспеть в этот раз, а мог бы и потерпеть неудачу. Возможно, в краткосрочной перспективе это не имело бы большого значения, но со временем я становился бы всё менее и менее склонным пробовать самые эффективные методы. Я начал бы терпеть неудачу всё чаще. Я не ненавижу неудачи, но я не привык к ним — и не хочу привыкать.»

Линь Юэтянь сказал:

«Не оставлять себе путей к отступлению, не допускать возможности неудачи — это моё кредо как убийцы высшего класса.»

Система замолчала.

Линь Тунчжао закончил заточивать лезвие и подошёл к Линь Юэтяню. Его выражение лица было сложным. Линь Юэтянь мог видеть яркий, ледяной отблеск ножа, отражающийся в свете.

— У тебя ещё есть время передумать, — с неохотой сказал Линь Тунчжао. — У тебя только одна жизнь. Может быть, есть другой путь — даже если у нас его нет сейчас, возможно... возможно, мы найдём.

— Делай, — сказал Линь Юэтянь.

— Жизнь даётся только раз. Быть человеком и быть призраком — в конечном итоге разные вещи. — Линь Тунчжао стиснул зубы. — Даже беспощадный Нефритовый Призрак только хочет стать человеком. Тебе стоит пересмотреть — действительно всё обдумать.

Линь Юэтянь спокойно улыбнулся ему, его тон был мягким:

— Делай.

Линь Тунчжао издал долгий вздох. Он сжал короткий нож и громко зачитал заклинание — сначала благодаря Трёх Чистых, затем принципам неба и земли, и наконец призракам и демонам четырёх направлений. С каждой произнесённой строкой лёгкая тьма, казалось, собиралась вокруг его лба.

На самом деле, с первой же минуты, как Линь Юэтянь и система увидели Линь Тунчжао, они могли сказать, что он не проживёт долго. И, конечно, сам Линь Тунчжао, вероятно, тоже осознавал это. Но для него смерть была пугающей, а жизнь одинаково бессмысленной.

Линь Тунчжао громко крикнул и рассыпал более десятка жёлтых талисманов. В момент, когда они упали на формацию, они самовоспламенились. Линь Юэтяню показалось, что он слышит звук плачущих призраков, но он не закрыл глаза. Он смотрел, холодный и непоколебимый, как Линь Тунчжао поднял короткий нож. Он уставился на сверкающее лезвие —

И затем нож опустился на его грудь.

Система не читала сутр, не играла никакой фоновой музыки для настроения. Она просто молчала. Только в этот момент она действительно осознала природу человека, с которым заключила контракт — того, кто был, полностью и полностью, лишён эмпатии, безразличный даже к самому себе. Чудовище. Безумец. Пациент, которому нельзя помочь.

Конечно, Линь Юэтянь не думал о себе так.

Конечно, он чувствовал боль, но считал её разумной ценой за выполнение работы.

Линь Юэтянь всегда считал себя совершенно нормальным.

<http://bllate.org/book/14576/1291628>